

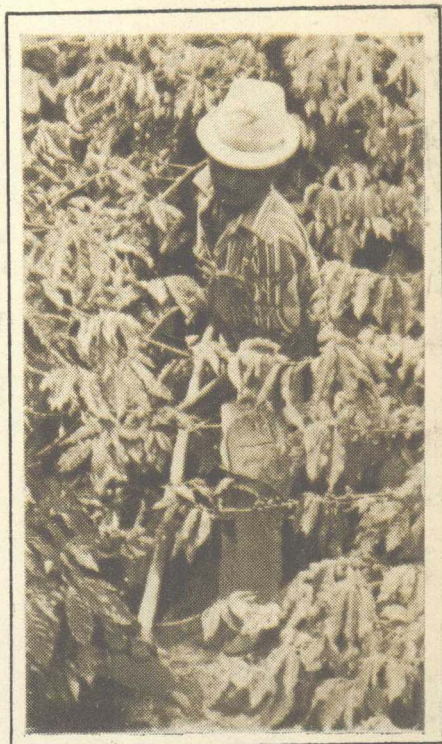

КОЛУМБИЯ:

тенденции
экономического
и
социально-
политического
развития

«Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

КОЛУМБИЯ:

тенденции экономического и социально- политического развития

Ответственный редактор
кандидат исторических наук
Ю. А. ЗУБРИЦКИЙ

МОСКВА
«НАУКА»

1986

В монографии раскрываются тенденции зависимого капиталистического развития страны, влияние мирового капиталистического кризиса на ее экономику; проанализированы программные установки и практика буржуазных партий. Рассматриваются программные документы и практическая деятельность Колумбийской компартии, ее вклад в освободительный процесс индийского движения. Отношениям с социалистическими странами посвящена специальная глава.

Авторский коллектив

Ю. А. Зубрицкий	Предисловие. Введение. Раздел второй, гл. IV. Заключение
А. А. Лавут	Раздел первый, гл. I, § 1, 3, гл. III и IV,
М. Ю. Николаева	Раздел первый, гл. I, § 2
Е. Х. Гаврилова	Раздел первый, гл. II
А. И. Ольшаный	Раздел первый, гл. V
З. В. Ивановский	Раздел второй, гл. I, гл. III, § 3 (в соавторстве с Т. Е. Кругликовой-Львовой)
В. М. Никитин	Раздел второй, гл. II; гл. III, § 1, 2
Т. В. Виленская	Раздел второй, гл. III, § 4
В. П. Слинченко	Раздел второй, гл. V
А. В. Гончарова	Раздел третий, гл. I, III, IV
И. М. Пахомов	Раздел третий, гл. II, V

КОЛУМБИЯ:

тенденция экономического и социально-политического развития

Утверждено к печати
Институтом Латинской Америки АН СССР

Редактор И. С. Додолева. Художник В. Н. Тикунов. Художественный редактор Г. П. Валлас.
Технический редактор Т. С. Жарикова. Корректоры Г. Н. Джигоева, Н. А. Несмеева.

ИБ № 31727

Сдано в набор 18.09.85. Подписано к печати 4.03.86. Т-00062. Формат 60×90¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 19. Усл. кр.-отт. 21. Уч.-изд. л. 24.2.

Тираж 1150 экз. Тип. зак. 848. Цена 2 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва В-485. Профсоюзная ул., 90.

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука»
199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

К 0604040000-127
042(02)-86 86-86-II

© Издательство «Наука», 1986 г.

Предисловие

Колумбия — страна древней, богатой и яркой истории, события которой лишний раз подтверждают всеобщий характер законов развития человеческого общества. Находясь как бы посередине между традиционно «банановыми» республиками Центральной Америки и основным массивом стран Андского субрегиона, Колумбия воплотила в своем социально-экономическом облике многие черты и тех и других. В Колумбии, как и в большинстве стран Центральной Америки, сельское хозяйство (несмотря на то, что его доля в ВВП по сравнению с серединой века значительно снизилась) сохраняет важнейшее экономическое значение, в частности экспортное. Так, от вывоза лишь одного кофе страна получает свыше 60 % экспортных доходов.

Однако, играя столь важную экономическую роль, колумбийское сельское хозяйство в большой степени продолжает базироваться на отсталых социально-экономических структурах. Еще в прошлом веке в Колумбии сложилась система земледелия, основой которой стал латифундизм. В значительной мере эта система сохранилась до настоящего времени. Обратная сторона латифундизма, его следствие — минифундии, которые служат источником средств существования для широких масс сельского населения, а также докапиталистические формы производственных отношений, в частности издольная аренда.

В то же время в аграрной сфере производства в современной Колумбии начиная с середины 40-х годов идет широкое развитие капиталистических отношений по пути, близкому к прусскому. Латифундия медленно преобразовывалась в капиталистическое аграрное предприятие, часто базирующая свои отношения с рабочей силой на основе аренды. Сопутствующими явлениями этого процесса было отделение минифундии от латифундии, разорение значительной части мелких земледельцев, усиление эксплуатации сельскохозяйственных рабочих. Аграрная реформа — одна из составных частей указанного процесса — носила ограниченный характер. Осуществляясь главным образом за счет колонизации неосвоенных земель, она почти не затрагивала помещичьего землевладения и в конечном итоге обусловила усиление концентрации земельной собственности, дальнейшее разорение мелких хозяйств и миграцию сельского населения в города, где оно частично находит работу, а частично пополняет маргинальные слои и армию безработных, являющихся одним из условий функционирования капиталистической промышленности. В настоящее время процессу промышленного развития Колумбии свойственно усиление концентрации производства при высокой степени его зависимости от иностранного (главным образом американского) капитала как в сфере обрабатывающей (основной в Колумбии) промышленности, так и добывающей, которая в отличие от добывающей промышленности других андских стран здесь развита слабо. В результате

наличия сильных позиций иностранного капитала в экономике Колумбия крайне неполно использует экономический потенциал: имеет одностороннюю специализацию, что заставляет страну прибегать к импорту как промышленных, так и сельскохозяйственных товаров. В то же время в силу указанного обстоятельства основную массу экспортных доходов страна получает от вызова продукции всего трех-четырёх наименований и главным образом кофе.

Крайне неравномерны темпы экономического развития страны, поскольку они подвержены сильному воздействию внешних факторов, а соответственно и уровень ВВП в расчете на душу населения.

В качестве средства, призванного устранить или хотя бы уменьшить трудности и противоречия экономического развития, правящие круги Колумбии, в частности те, которые являются носителями интересов национальной буржуазии, используют вмешательство государства в экономику, осуществляемое как методами государственного предпринимательства и государственных инвестиций, так и методами косвенного регулирования частного сектора. Решению прежде всего экономических задач подчинено также участие Колумбии в деятельности интеграционных группировок регионального и субрегионального уровня. Важным аспектом внешнеэкономической деятельности Колумбии является развитие торгово-экономических отношений со странами — членами СЭВ, благодаря чему страна получает возможность диверсифицировать свои экономические связи и, увеличивая экспорт на рынки социалистических стран, а также расширяя импорт из этих стран, получать дополнительные возможности укрепления национальной экономики. Вместе с тем это позволяет достигать определенного уменьшения воздействия на свою экономику кризисных явлений, присущих мировому капиталистическому хозяйству.

Сложность, многоплановость и противоречивость присущи не только экономической, но и социально-политической ситуации в Колумбии. Ареной крупных социально-политических потрясений, междоусобных и гражданских войн страна была и в эпоху царств чибча-муисков, и в колониальный период, и в так называемый республиканский период. Последовавший после обретения страной политической независимости, этот период характеризуется напряженной и часто кровопролитной борьбой между сторонниками двух партий — либералов и консерваторов, частой сменой диктаторов и конституционных президентов. Постепенно, несмотря на неоднородный состав этих партий, ведущей силой в каждой из них стала крупная буржуазия, в результате чего в 1957 г. была создана паритетная система, действовавшая до 1974 г. и закрепившая монополию на политическое руководство страной за указанными партиями. Эта монополия, однако, совершенно не означала установления в стране какого-либо политического, а тем более социального мира. Обострение противоречий привело, с одной стороны, к жесточайшим репрессиям, с другой — к усилению народной борьбы, в том числе и вооруженной. Термин «виоленсия» («насилие»), вошедший в Колумбии для обозначения обстановки насилия и террора, характерных для конца 40-х — начала 50-х годов, продолжает существовать и отражать колум-

бийские реалии вплоть до самого последнего времени. Лишь правительство президента Белисарио Бетанкура, пришедшее к власти в августе 1982 г., приняло действенные меры к упорядочению гражданской жизни в стране и прекращению вооруженных столкновений.

Прекращение действия соглашения о паритете между двумя партиями, однако, не ликвидировало двухпартийной системы государственной власти в Колумбии. Вместе с тем развитие капитализма в стране неизбежно породило и его могильщика — колумбийский пролетариат, руководимый своей партией. В специфических условиях зависимости Колумбии от ТНК пролетариат и его авангард ставят задачи как социального, так и полного национального освобождения колумбийского народа в процессе классовой и антиимпериалистической борьбы на основе широкого союза прогрессивных и патриотических сил.

Особого внимания заслуживает динамика современной внешнеполитической линии колумбийского государства. Приход к власти в 1982 г. правительства президента Белисарио Бетанкура привел к серьезным изменениям в подходе Колумбии к решению многих международных проблем. Этот новый подход отразился в более принципиальном отношении (по сравнению с отношением предыдущих правительств) к проблеме Фолклендских (Мальвинских) островов, в более решительной позиции, занятой страной в Контадорской группе, стремящейся найти пути мирного урегулирования положения в Центральной Америке, в заявлении, подписанном президентом Колумбии совместно с президентами Аргентины, Бразилии и Мексики, в котором была осуждена внешняя финансово-экономическая политика США (в частности, повышение Соединенными Штатами банковских учетных ставок, создание протекционистских барьеров и введения других мер, обостряющих и без того тяжелое финансовое положение стран Латинской Америки). Новым во внешнеполитической линии явилось также заявление президента Белисарио Бетанкура о намерении Колумбии добиваться приема в ряды движения неприсоединения. Позитивные шаги правительства — это результат не только и не столько факторов субъективного характера, сколько отражение объективных тенденций, которые в случае полного и последовательного развития могут оказать существенное влияние на ход экономического и социального прогресса страны.

Готовя предлагаемый читателям труд, его авторы стремились не только дать описание указанных выше процессов и явлений, но и вскрыть внутренние причины, их обуславливающие, а также обнаружить тенденции их дальнейшего развития.

Введение

Краткий очерк истории Колумбии

Существование на протяжении длительного периода очагов цивилизации в Центральных Андах и в Месоамерике, непрерывный процесс непосредственного и опосредованного перехода элементов культуры из этих двух районов к другим группам древнеамериканского населения содействовали убыстрению темпов роста производительных сил последнего, а тем самым превращению всей западной (горной) части континента (за исключением крайнего юга) в почти сплошную зону процессов классовообразования и возникновения государственности.

Однако наибольшей интенсивности процесс становления новых государственных образований достиг в центральной части нагорья, ныне входящей в пределы колумбийских провинций Кундинамарки, Бояки и в меньшей степени Сантандера. Новейшие исследования показали, что уже в V в. н. э. этот район занимали *чибча-муиски*, переселившиеся сюда из Центральной Америки¹. О темпах и уровне развития производительных сил этого этноса может свидетельствовать тот факт, что начиная с IX в. н. э. довольно широко распространяется металлургия, а именно выплавка медных изделий методом потерянного воска².

В XII—XIII вв. н. э., согласно хроникам³, активно шло формирование политических объединений чибча-муисков. По мнению советского исследователя С. А. Созиной, данные объединения представляли собой варварские государства, а лица, возглавлявшие их, — до конца еще не сложившийся тип деспотического правителя⁴. С этими общими характеристиками вполне можно согласиться, но следует иметь в виду, что царства чибча-муисков, будучи очагами цивилизации, сами находились под давлением со стороны «варварской периферии» — аравакских и особенно карибских племен. Их почти непрерывные (примерно с конца XV в.) нашествия, с одной стороны, ослабляли силы муисков и приводили к сокращению территории созданных последними государственных образований, но, с другой стороны, эта внешняя опасность была мощным импульсом ускоренного становления и упрочения государства у чибча-муисков. В частности, она стимулировала рост объединительных тенденций в этом районе. К моменту появления здесь европейцев два царства из пяти, а именно Дхунзахуа (Тунха) и Факата (Богота), явно выделялись своей мощью и соперничали между собой, открыто претендуя на подчинение себе остальных государств и друг друга. В 1490 г. н. э. это соперничество вылилось в ожесточенную войну, о масштабах которой позволяют судить, в частности, такие данные: в решающей битве возле деревни Чоконта с обеих сторон приняли участие более 100 тыс. воинов (50 тыс. — армия царства Дхунзахуа, 60 тыс. — Факаты)⁵. Армиями командовали непосредственно верховные правители царств.

Оба они погибли в сражении. И хотя поле битвы осталось за воинами Факаты, смерть верховного правителя практически свела на нет их победу.

Новое сильное обострение противоречий между двумя царствами произошло где-то во втором—начале третьего десятилетия XVI в. Оно также вылилось в военное столкновение. На этот раз победили воины Дхунзахуа. Эта победа также не привела к поглощению одного царства другим. Тем не менее объединительные тенденции непрерывно усиливались, что диктовалось как внутренними факторами, так и внешней опасностью со стороны карибских и других племен, непрерывно «изрыгаемых» сельвой. Дело шло к созданию единого и сильного муисского государства. Испанское вторжение прервало этот прогрессивный в своей сущности процесс.

Социальное устройство муисков отражало начальную стадию процесса классообразования. Родовая община «ута» в одних местностях исчезла, в других продолжала существовать в виде пережитков иногда как группа родственных семей в составе сельской общины (сыбын), являвшейся основной ячейкой общества. Многообразные повинности общины в пользу государства уже позволяют рассматривать ее как эксплуатируемый коллектив. Трудно сказать, как далеко зашла эта эксплуатация, покрывались ли указанные повинности лишь за счет прибавочного продукта или господствующие группы населения уже экспроприировали и часть (хотя бы совсем небольшую) необходимого продукта, что означало бы начало рабовладельческой эксплуатации. Во всяком случае растущие масштабы внеэкономического принуждения в отношении общинников склоняют чашу весов в пользу последнего предположения. Многочисленные данные свидетельствуют также о расслоении самой общины⁶. Собственно рабы, главным образом из числа военнопленных, также имелись среди чибча-муисков, однако какой-либо заметной роли в производстве они не играли.

Ремесленное производство среди чибча-муисков было уже сильно развито, особенно ювелирное дело⁷, а также гончарное, оружейное, ткачество, добывались соль (путем выпаривания), каменный уголь, изумруды. Однако говорить об отделении ремесла от земледелия можно лишь с большой осторожностью: освобождение ремесленников от сельскохозяйственного труда, а тем самым и консолидация их в особый социальный слой, видимо, были далеки от завершения. Столь же трудно сказать что-либо определенное о купцах как сословии, хотя и внутренний и особенно внешний обмен достигли большого развития.

Чибча-муиски — единственный народ Древней Америки, у которого появились небольшие золотые диски, выполнявшие, по мнению ряда исследователей, функции монет, денег⁸. Однако существует также мнение, что речь идет не о монетах в полном смысле слова, что золотые диски представляли собой украшение, т. е. были не формой всеобщего эквивалента, а конкретной формой товара, непосредственно обменивавшегося на другой товар⁹.

Значительную и влиятельную прослойку населения составляло

жречество. Храмы, по свидетельству конкистадора-очевидца, имелись в каждом селении¹⁰. Существовала сложная и строгая система подготовки жрецов, включавшая в себя не только изучение религиозной мифологии и символики, но и разного рода воздержания, перенесение физических истязаний и т. д. Срок обучения длился несколько лет, в некоторых случаях до двенадцати.

Жрецы составляли вполне сложившуюся касту общества, постепенно входившую в формирующийся господствующий класс. В этот класс вливались также традиционная родоплеменная аристократия, новая знать, занимавшая руководящие посты в различных звеньях стремительно растущего государственного аппарата, военные командиры, отдельные разбогатевшие земледельцы, ремесленники, торговцы и ростовщики.

Во главе государства стоял царь. Со временем царская власть все более утрачивала черты верховного вождя племенного союза, обретая черты неограниченного повелителя, который сосредоточивал в своих руках законодательную, исполнительную и судебную власть. Нарождавшиеся вместе с государством нормы права, запечатленные в кодексе, приписываемом Немеке, правителю Факаты, четко фиксируют сложившееся в обществе неравенство, ограничивают права рядовых тружеников и откровенно защищают интересы привилегированной части населения¹¹.

Происходившие социальные сдвиги в обществе чибча-муисков отразились и в его духовной жизни, в частности в религиозной сфере. Так, бог Чибчакум («опора людей чибча») превратился в бога — покровителя простого народа, а бог и культурный герой Бочика стал рассматриваться как покровитель знати. В целях возвеличивания царской власти в противовес наиболее древним мифам, согласно которым человеческий род порожден богиней Бачуэ, этот акт творения стал приписываться древним правителям Ираки и Рамирики, имевшим якобы те же титулы, которые впоследствии носили правители крупнейших царств, существовавших в XV—XVI вв.¹²

Трудно сказать что-либо определенное о наличии или отсутствии у муисков письменности, хотя в условиях исторической ситуации, переживаемой этим этносом в XVI в., несомненно уже стояла задача создания средств точной фиксации человеческой речи в линейной форме. С одной стороны, петроглифы, обнаруженные на территории, ранее входившей в состав царств чибча-муисков, представляют собой одну из разновидностей пиктографии. С другой стороны, высокая степень стилизации многих знаков, а также многочисленные случаи расположения некоторых из них в линию, возможно, являются отражением процесса зарождения иероглифики¹³.

Чибча-муиски не были единственным этносом на территории, ныне именуемой Колумбией.

В районе, ограниченном Западной Кордильерой и Центральными Андами, реками Пайла и Отун, обитали индейцы *кимбайя*. Общественное устройство у кимбайя, видимо, еще не знало деления на классы и образования органов государства, хотя уровень производительных сил у этих индейцев уже был довольно высок, на что указы-

вает широкое распространение в этом районе орошаемого земледелия с использованием насыпных террас. Однако, будучи хорошими земледельцами, кимбайя одновременно существенную часть своих потребностей в продовольствии удовлетворяли за счет охоты и рыбной ловли. Высокого уровня достигло ремесло, в частности ювелирное дело (особенно орфebrерия) и гончарное искусство. Керамика кимбайя отличалась большой прочностью и высокохудожественной росписью. Особыми видами искусства у этих индейцев было раскрашивание человеческого тела, а также изготовление украшений из перьев. Кимбайя не носили одежды и практически не знали ткачества¹⁴.

В этом отношении от них резко отличались индейцы *чимила*, обитавшие на обширной территории, расположенной на месте нынешнего департамента Магдалены, и некоторых других прилегающих районах. Охотники, земледельцы и гончары — чимила были также искусными ткачами, выделявшими главным образом шерстяные ткани, из которых изготавливали мужскую и женскую одежду.

В южной части территории, на которой сегодня расположен департамент Кальдас, обитали индейцы *пихао*, отличавшиеся воинственностью и свободолубием. Среди пихао был распространен канибализм, носивший главным образом ритуальный характер. Судя по косвенным данным, пихао находились на стадии военной демократии. Как и кимбайя, они были искусными ювелирами, гончарами и камнетесами¹⁵.

Воинственностью отличались также племена *мотилонов* (ареал обитания — бассейн реки Кататумбо, впадающей в озеро Маракайбо), *салива* (долина Мета), *панче* (верховья реки Магдалены), *мусо* (по берегам реки Магдалены). По соседству с панче, между реками Мета и Вичада, обитало относительно многочисленное племя бродячих охотников и собирателей — *гуаибо*.

В бассейне реки Паэс, на западных и восточных склонах Центральной Кордильеры жило многочисленное и сильное племя *паэс*, относящееся к языковой группе чибча. Это племя, помимо охоты, рыболовства и собирательства, занималось также земледелием и ремеслом.

Полуостров Гуахира был населен охотничьими племенами *гуахи́ро*, у которых уже отчетливо проявлялись зачатки имущественного и социального неравенства¹⁶.

Нет никакой возможности привести точные данные о численности всего населения страны перед вторжением испанских колонизаторов. Наиболее серьезным представляется предположение советского ученого С. А. Гонионского о том, что к началу испанского завоевания население Колумбии составляло 1,5—2 млн. человек¹⁷.

Вторжение испанских колонизаторов и захват ими территории нынешней Колумбии, возникновение испанской колонии Новая Гранада на месте царств чибча-муиски и других объединений представляет собой сложный и противоречивый процесс и ни в коем случае не может быть оценен однопланово. С одной стороны, испанское завоевание (конкиста) несло с собой феодальные производственные

отношения, т. е. более высокие, более прогрессивные по сравнению с теми, которые существовали до появления здесь европейцев. Несомненно также, что приток захваченных у индейцев изумрудов и драгоценных металлов катализировал процесс первоначального накопления в Европе и становление капиталистических отношений, что также следует рассматривать в ряду явлений прогрессивного характера. К этому же разряду явлений следует отнести и тот факт, что колонизаторы принесли на американский континент и, в частности, на территорию Колумбии новые производительные силы (обработка земли с помощью тягловой силы животных, железные орудия и т. д.).

Но, с другой стороны, нельзя проходить мимо явно негативных сторон испанского завоевания страны и превращения ее в колонию, в противном случае можно прийти к полному обеливанию колониального разбоя. С необходимостью отметим, что утверждение в стране нового общественного строя (феодального) сопровождалось колоссальным разрушением и уничтожением производительных сил, и прежде всего самой важной из них — людей, производителей, что, несомненно, ограничивало прогрессивность этого строя. Отметим также, что феодализм, пришедший из Испании, находился не в стадии подъема или зрелости, а в стадии упадка и разложения, когда производственные отношения из катализатора развития производительных сил превращаются в их тормоз и оковы. Таким образом, попав на Американский континент, новые производительные силы сразу же оказались скованными устаревшими производительными отношениями. Это тем более верно, что феодализм, принесенный из Испании, существовал здесь не в чистом виде, а вместе с рабовладельческими формами эксплуатации. Негативная сторона испанского завоевания страны проявилась и в том, что в результате разрушения культуры местного населения и прямого уничтожения многих ее элементов обогащение европейской (а тем самым и мировой) цивилизации достижениями Нового Света произошло на значительно более низком уровне, нежели это могло бы быть. И если использование сокровищ чибча-муисков в процессе первоначального накопления капитала в Европе в определенной степени ускорило развитие капитализма и тем самым всемирно-исторический прогресс, то указанное выше обстоятельство сдерживало его темпы.

Нельзя пройти и мимо того, что золото, серебро и изумруды чибча-муисков, равно как и других этносов Нового Света, легко (в результате грабежа, а затем и бесчеловечной эксплуатации индейцев) доставшиеся Испании, с такой же легкостью уходили во Францию, Фландрию, Италию и Англию в обмен на высококачественный текстиль, парфюмерию и хрусталь, нанося смертельный удар собственной, едва начинавшей зарождаться капиталистической мануфактуре, что вело к консервации феодальных форм хозяйствования. Это было одной из важнейших причин, предопределивших отставание Испании от ряда других европейских стран в сфере экономического развития на протяжении XVI—XVIII вв. Консервации феодальных отношений в экономической области сопутствовало сохра-

нение и даже усиление (в форме абсолютизма) феодальных норм в сфере политики, поскольку необходимость военно-политического подавления американских колоний привела к возрастанию и усилению аппарата (в том числе и репрессивного) Испании как феодального государства. Иными словами, прогрессивность привнесения нового общественного строя на территорию Колумбии и других районов Нового Света в результате их завоевания и превращения в колонию серьезно ограничивалась целым рядом обстоятельств.

Покорение индейских этносов европейцами нередко представляется в сочинениях буржуазных и дворянских авторов как сплошное триумфальное шествие. На самом же деле индейцы проявили огромное мужество, героизм и самопожертвование, в неравной борьбе оказывая сопротивление противнику, обладавшему огнестрельным оружием и лошадьми. Целый год борьбу против завоевателей вел Тискесуса, царь (сипе) крупнейшего на территории страны индейского государства. Дуитама, правитель небольшого царства чибчамуисков, в течение трех лет сражался с испанскими колонизаторами. В результате неравной борьбы почти полностью исчезли с лица земли племена мусо и салива, панче и паэс. Некоторые же племена (например, мотилонь) продолжали отстаивать свою свободу вплоть до первых десятилетий XX в.

Как и на других частях Американского континента, захваченных испанскими колонизаторами, на территории Новой Гранады (так стала называться новая колония) индейцы подвергались различным формам рабовладельческой и феодальной эксплуатации. Важнейшей из них была *энкомьенда* — специфическая форма феодального поместья. Формально земля оставалась в собственности индейцев, а фактически ее хозяевами становились испанцы. На основании королевского указа испанские завоеватели «распределяли» между собой значительную часть завоеванных земель и проживавших на них индейцев. Индейцы должны были работать на белых господ как бы в благодарность, в обмен на опеку, заботу, просвещение и наставление в христианском учении. Испанская корона как бы поручала индейцев завоевателям, поэтому последние назывались *энкомендеро* (дословно — «тот, кому поручено»). На деле «заботы и опека» превращались в свою противоположность — безудержную, большей частью ничем не регламентированную эксплуатацию. Важно отметить при этом, что феодальная рента в системе *энкомьенды* проявлялась в своих наиболее примитивных формах (отработочная и продуктовая), что существенно тормозило развитие товарно-денежных отношений — необходимой предпосылки перехода к капиталистическому способу производства.

Те индейцы, которые избежали «прелестей» *энкомьенды* и за которыми были закреплены общинные земли — *ресгуардо*, отнюдь не были свободны от иных форм феодальной эксплуатации, в частности от уплаты подушной подати — *трибута*. Если за *энкомендированных* индейцев *трибута* обычно платил сам *энкомендеро* (что и давало ему «право» безмерно увеличивать размеры отработочной и продуктовой ренты), то индейцы, непосредственные подданные короны, обязаны

были выплачивать подушный налог сами. Формально размеры трибуто были невелики, и взималось оно лишь с мужчин в возрасте от 18 до 50 лет. Однако вследствие произвола, царившего в колониях, размеры подушной подати возрастали в несколько раз. Она обогащала не только казну, но и все звенья колониального аппарата, начиная от вице-короля и кончая простым сборщиком податей. Индейцы, как правило, не имели представления о подлинных размерах податей, а местные власти были заинтересованы держать индейцев в этом неведении. Фактически вся семья должна была трудиться от зари до зари, чтобы ее глава смог вовремя внести требуемую сумму. Дело доходило до того, что подушную подать индейцы обязаны были платить за умерших лиц, за детей, находящихся еще во чреве матери. Часто подать собиралась по несколько раз в год.

Подлинным проклятием для индейца была *мита* — принудительный труд на рудниках, лесоразработках, мастерских, приисках¹⁸. Индейцы, угнанные на миту, часто уже не возвращались к родным очагам, погибая от непосильного труда. Эта хищническая форма эксплуатации местного населения характеризовалась изъятием не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта, вследствие чего она с полным основанием может быть квалифицирована как рабовладельческая. По масштабам эксплуатации с митой может поспорить разве что работа в обрахе — текстильных мастерских. Следует, однако, подчеркнуть, что в Колумбии мита имела меньшее распространение, чем в Перу и Боливии, а обрахе больше было известно в Эквадоре.

Полное садизма, часто бессмысленное массовое уничтожение индейцев в момент завоевания и в непосредственно примыкающий к нему отрезок времени, охватывающий несколько десятилетий, бесчеловечные колониальные гнет и эксплуатация, высокая смертность от занесенных европейцами инфекционных заболеваний привели к резкому сокращению численности автохтонного населения. За 100 лет с небольшим численность индейцев на территории, ныне занимаемой Колумбией, уменьшилась примерно в 3 раза¹⁹ и продолжала уменьшаться в последующее время. На гнет и эксплуатацию индейцы отвечали не только пассивно (бегство, низкая производительность труда во время работы на белого господина), но и поднимались на массовые восстания и вели длительные военные действия. Борьба между колонизаторами и коренными обитателями была неравной, ее исход был предрешен: разрозненные родовые общины, племена, союзы племен или даже молодые раннеклассовые индейские государства не могли противостоять мощи одной из сильнейших европейских стран той эпохи.

Защищая свою землю и свободу, индейцы вели справедливую борьбу, и не случайно она изобилует примерами героизма, самопожертвования и благородства. Выше уже говорилось о сопротивлении колонизаторам со стороны войск Тискусусы и Дуитама — правителей двух муисских царств. Испанцы отвечали на это сопротивление зверскими расправами и террором, дабы подавить всякую волю местного населения к борьбе. Однако эта цель оказалась недостижимой. Едва

минуло десятилетие после разгрома царств чибча-муисков, и против испанцев поднялось мощное восстание индейцев паэс под руководством женщины Гаитаны, которая сумела привлечь к своему благородному делу ряд других племен. В сражениях и стычках восставшие нанесли испанцам чувствительные потери в живой силе. Кроме того, они сравнивали с землей многочисленные рудники, в которых добывалось золото и серебро²⁰. Спустя полстолетия, после того как замолкли последние отзвуки сражений между испанцами и сторонниками Гаитаны, в 1611 г. на борьбу против пришельцев поднялся касик (вождь) племени пихао Каларка²¹, побежденный через несколько лет в результате предательства со стороны своего бывшего союзника Комбеймы, военачальника индейцев копайма и натагайма.

На протяжении длительного времени борьбу с иноземцами вели карибские племена атлантического побережья, используя тактику партизанской борьбы. Активное участие приняли индейцы в великих революционных движениях XVIII в. (Восстание коммунаров) и начала XIX в. (Война за независимость), о которых будет сказано ниже. Сопrotивление индейцев европейским завоевателям, их восстания и другие формы выступлений были первым потоком антиколониального движения.

Борьба индейцев сыграла огромную прогрессивную роль, закладывая фундамент освободительных тенденций и традиций, воспринятых затем и другими группами населения, из которых складывалась единая колумбийская народность, а впоследствии — нация. Одной из таких групп были негры, а также мулаты (потомки от смешанных браков между неграми и белыми) и самбо (потомки от смешанных негро-индейских браков).

Негры завозились в Новую Гранаду с целью возместить потерю рабочей силы, вызванную резким сокращением численности индейского населения. Положение негров-рабов было еще более тяжелым, чем индейцев, поскольку последние хотя бы чисто формально считались свободными. Вслед за индейцами негры поднимаются на борьбу против гнета и эксплуатации. Борьба эта носила различные формы: начиная от таких пассивных, как попытки работать менее производительно на своих хозяев, и кончая вооруженными восстаниями и созданием собственных независимых поселений. Особенно часто негритянские восстания вспыхивали в южной части страны, в долине реки Кауки.

Наряду с неграми-рабами на территории Колумбии постоянно формируются значительные массы формально свободного негритянского населения. Так, в конце XVIII в. в районе Антиокии свободных негров было уже больше, чем негров-рабов. Свободное негритянское население Колумбии складывалось из вольноотпущенников, рабов, переведенных на оброчную систему, мулатов, свободных от рождения в силу наличия в них части «крови белых» и т. д. Разумеется, свобода этих негров (и мулатов) была относительной, фактически они испытывали все тяжести феодальной и полуфеодальной зависимости и колониального угнетения. Как и рабы, это был горячий материал классовой и национально-освободительной борьбы. Движение негров и мулатов составило второй поток антиколониального движения.

Третьим потоком антиколониальной борьбы в Колумбии, как и в других частях испанской Америки, было движение креолов. Они считались прямыми потомками белых переселенцев, хотя на самом деле эта часть колумбийского народа сложилась в результате сложных процессов межрасовой и межнациональной метисации. По существу от собственно метисов (т. е. потомков от смешанных европейско-индейских браков) их отличали не столько расовые признаки, сколько высокое имущественное и социальное положение. Это были крупные плантаторы, торговцы, интеллигенция. Однако испанская корона не допускала креолов к политической власти, позволяя им занимать лишь низшие чиновничьи должности. Кроме того, колониальные власти ставили многочисленные препоны к экономической деятельности креолов: внешняя торговля была монополизирована испанцами, креолам запрещалось производить некоторые виды сельскохозяйственной и промышленной (ремесленной) продукции, их обкладывали высокими пошлинами и налогами.

Все это порождало двойственность и непоследовательность отношений креолов к испанскому господству: они стремились освободиться от него, и в то же время боялись опереться на широкие народные движения, поскольку последние могли нанести непоправимый ущерб их положению как социально и экономически господствующей части колониального общества. Отсюда склонность креолов к методам тайных заговоров и опоре на иностранную помощь. Вместе с тем ни в коем случае нельзя недооценивать антиколониальное движение креолов, поскольку из всех слоев колониального общества они могли наиболее эффективно противопоставить испанской короне современные для своей эпохи формы политической, идеологической и вооруженной борьбы.

Первое крупное выступление, в котором креолы играли заметную роль, относится к началу 80-х годов XVIII столетия, т. е. к периоду (по определению советского ученого В. М. Мирошевского) острого революционного кризиса²², важнейшим проявлением которого было массовое восстание на территории вице-королевства Перу²³ индейцев кечуа и аймара под руководством Тупак Амару II. Влияние этого мощного революционного движения охватило практически всю Южную Испанскую Америку, в том числе и территорию нынешней Колумбии. Как указывает колумбийский автор Луис Торрес Алмейда, «слава и блеск имени и подвигов гордого индейского принца Хосе Габриэля Тупак Амару сеяли волнения среди народов северной части Новой Гранады»²⁴. Однако сами истоки освободительного движения колумбийцев следует искать, разумеется, не в каких-то внешних влияниях, а в самой местной действительности, неприглядной, полной острейших противоречий.

Начало тому движению, которое вошло в историю под названием Восстания коммунаров, было положено 16 марта 1781 г. в городе Сокорро. Был базарный день, и перед толпами собравшегося народа предстал огромный список новых налогов, вводимых колониальной администрацией. Креолов и метисов особенно возмутило, что на них также распространялась выплата трибута (подушной подати), кото-

ру раньше обязаны были выплачивать лишь индейцы. Возмущение, охватившее жителей Сокорро, вылилось в открытое восстание, которое охватило ряд других городов и районов. Примерно через месяц после начала восстания в Сокорро стали стекаться представители всех других восставших городов и деревень. Был избран руководящий орган восстания — Коммуна. Высшие должности в Коммуне заняли богатые креолы. Двойственность и непоследовательность отношения креолов к восстанию сказались уже в том, что на следующий же день после выборов они тайно заверили у нотариуса заявление о том, что народ, дескать, поставил их во главе движения силой, против их воли, и что они остаются верными слугами короля.

Между тем восстание непрерывно разрасталось. Когда повстанческая армия приблизилась к Боготе, заместитель вице-короля (сам вице-король в связи с войной между Испанией и Англией находился на побережье) бежал в Картахену. Для его поимки был послан отряд под руководством крестьянского сына, метиса Хосе Антонио Галана. Обладая недюжинным умом и способностями, редкой храбростью и отвагой, Галан быстро становится подлинным народным вождем и героем. Поимка заместителя вице-короля стала для Хосе Галана фактически лишь предлогом для освободительного похода и вовлечения широких масс в революционное движение.

Еще до этого похода многие индейцы и негры вливались в ряды повстанцев. Хосе Галан всячески стремился активизировать этот процесс. К индейцам он обратился с призывом: «Поднимайтесь против правительства, чтобы вернуть свои земли и освободиться от поборов!»²⁵. В результате тысячи индейцевполнили его отряд, все более превращавшийся в народную армию. Галан хорошо понимал сложность национальных отношений и необходимость тонкого подхода к ним. Так, встретив во время продвижения отряда крупного индейского торговца, потомка индейских правителей страны Амбросио Писко, Галан воздал ему королевские почести и провозгласил его королем индейцев. Тем самым он привлек на свою сторону новые контингенты индейцев, которые все еще колебались, плохо понимая суть событий и видя в них лишь междоусобную драку белых. Галан бросил также клич «Конец рабству!»²⁶, что привлекло на сторону повстанцев массы негров.

Таким образом, благодаря политике Хосе Антонио Галана, направленной на превращение антиколониального выступления в широкое революционное народное движение, происходило слияние всех трех упомянутых ранее потоков освободительного движения: индейского, негритянского, креольского. Однако двойственная, граничащая с предательством, а порой и просто предательская позиция креольской верхушки предопределила в конце концов поражение Восстания коммунаров. Несмотря на поражение, значение опыта этой борьбы за национальное и социальное освобождение огромно.

Восстание коммунаров во многих своих аспектах явилось предтечей тех революционных бурь, которые ожидали и ожидают Колумбию, и прежде всего Войны за независимость. Показательно, что на протяжении почти всего прошлого века День независимости праздни-

вался 16 марта, и лишь в конце столетия колумбийские власти перенесли праздник на 20 июля. Значение Восстания коммунаров состояло, в частности, в том, что оно, будучи подавлено, продолжало будить революционную мысль. Когда говорят о благородной деятельности выдающихся революционных колумбийских мыслителей Антонио Нариньо, Камилло Торреса и других, обычно подчеркивают то значение, которое имели идеи французских просветителей, а также французской и североамериканской революции. Все это несомненно, но несомненно также и то, что само стремление к познанию революционных идей и революционного опыта передовых для того времени стран было в значительной степени предопределено идейно-политической ситуацией, сложившейся в стране в результате событий эпохи Восстания коммунаров.

Перипетии начавшегося в 1810 г. в Колумбии и других частях испанской Америки революционного движения, получившего название Войны за независимость, роль в этом движении Симона Боливара и других выдающихся деятелей той эпохи подробно освещены в целом ряде трудов, вышедших в нашей стране²⁷. Отметим только, что именно в Колумбии (битва при Бояка) войскам колонизаторов было нанесено столь крупное поражение, что оно заставило Европу поверить в возможность победы дела латиноамериканских патриотов и поселило скептицизм при королевском дворе в отношении перспектив своего господства в Южной Америке²⁸.

Вначале освобожденная от испанского господства Колумбия вместе с Венесуэлой и Эквадором составляли единое государство, названное впоследствии Великая Колумбия, которое распалось в 1830 г. Еще в 1821 г. была принята первая конституция страны. Несмотря на то что в ней провозглашались некоторые буржуазные свободы, на деле обретение независимости мало что меняло в положении народных масс. Предложение Боливара от отмене рабства негров было принято лишь частично; индейцы, как и раньше, подвергались национальному и социальному гнету, продолжался процесс их обезземеливания. Крупные землевладельцы, высшее духовенство, высший командный состав армии, чиновничество составили новый господствующий и правящий в стране слой, олигархию. Страна оказалась в сильной финансово-экономической зависимости от иностранного (английского) капитала.

В 1832 г. была принята новая конституция, которая фактически закрепляла власть олигархии, несмотря на провозглашенный в ней принцип «народного суверенитета». Впрочем, чисто формальное, лишенное всякого реального содержания манипулирование формулировкой «народный суверенитет» наблюдается и в последующих колумбийских конституциях. Поскольку в ходе Войны за независимость задачи буржуазной революции в целом решены не были, то никакие конституции не могли обеспечить политической устойчивости в стране. Период, непосредственно следовавший после освобождения от испанского господства, насыщен заговорами, государственными переворотами, мятежами, междоусобицами, гражданскими войнами.